

2

איך א שד, זאג עדות. אzo סיענען מעד נישטא קיין שדים. צו וואס
שדים, ווען דער מענטש אלילין אויז איצט א שד? צו וואס אנדרען צו שלעכטס
ווען דער אונגעראדעטער אויז סט זוי גרייט? איך בין אַשְׁר דער לעצטער
צווישן די נישט-גוטען. איך האלט מיר אויף אַויף אַזoidעם אין טישעוויז,
צי חיונה פון אַמעשה-ביביל אויף יידיש-טיטиш וואס האט זיך דא פָּאֶרְ-
וואלגערט פון פָּאֶרְן חורבן. די מעשה אלילין אויז קובעבע מיט קאטשקע-
מילד, אבער יידייש אוטיות האבן אַהאָט. זוי שטיטיט עס דארט? אוטיות
מחפיקות. כידארף איך נישט זאגן, אzo כיבין אַייד. וואס דען בין איך,
אַגוי? מײַזנט סיענען דא גוישע שדים אויך. אבער נישט קִעְנָע זוי
און נישט בּוֹזֵיל זוי. קענען. יעקב און עשו זענען נישט קיין מהותנים.
געקומען האער בין איך פון לובלין. טישעוויז אויז אַהע, וו אַדְם
הראשון האט נישט משותין געווען. אוזי קליעין אויז דאס שטעהל, אzo ווען
ס'פָּאֶרט אַרְבִּין אַזאגן, איזו דער קאָפּ פון פָּאֶרְד אַיז מאָרָק און די הינטערשטער
ראָד בעי דער דאנקטקע. די בלאטע דויערט פון נאָך סוכות בייז אַ
שטייק נאָך שְׁבוּזָת. ווען די ציגן פון טישעוויז קבען דאס שטורי פון
די דעכער, דאָרָפּן זוי נישט אונטערהייבן די בערדלאָד. הינער זינץ אויף
אייער איז מיטן גאָס. קִיגָּל בויען געסטון איזן די וויבערשע קאָפּקעס.
איין שננדערשן שולכל אויז מען מצְרָפּ צום מנין דעם קהילן באָק. איך
רעד בלשון איצט, וויל בעי מיר שטיטט די ציטט.

וְאֶזְרָקִיָּהַבְּגָדָעַן דָּעַם דָּזְקִין טַלְוָמֵטָר אַיִן אֲכַלְיָין סִידָרָל,
פְּרָעָגָט מִידְנִישָׁט. אַבְּעָר אֲזָמְדָא שִׂיקָּט, גִּיטָּתְמָעַן. בֵּין זָמָאשְׁטָש אַיִן
דָּעַר וּוֹעַג אֲהַימְשָׁעַר. פָּנוּ דָאָרָט אֲזַיְמָעַן אַוְיָהָן אַיְגָעָנָעָם בָּאָרָאָט.
מַהְתָּט מִיר גַּעֲגָעָבָן אֲסִימָן: אַוְיָהָן דָּאָרָךְ פָּנוּ בֵּיתְמַדְרָשָׁט טַוְרָעָמָט אֲזַנָּ
אַיְזָעָרָגָעָר הָאָן אֲזַנָּ אַוְיָהָן קָאָם זְלָגָנָעָם שְׁטִיעָתָאָלָעָמָל אֲקָרָא. אֲמָל הָאָט
דָּעַר הָאָן זִיךְ גַּעֲדָרִיָּת אֲזַן וּוֹינָט. אַבְּעָר שְׂוִין יָאָרָן וּזְיךְ רִירָת זִיךְ נִישָׁת
פָּנוּ אָרָט, מַעְגָּדָעָן דָּוְנָעָרָן אֲזַן בְּלִיצָן. אַיִן טִישָׁעָוִיזָא קָאָנוּ אֲזַנָּ אַיְזָעָרָגָעָר הָאָן
אַיִדְגָּרָן.

איך בין געקסומען, אבער מײַעט נישט קיינעם **פָּוֹן** אונדזערע ליטט אויף
א רפֿואה, ס'בִּית-הקבָּרות אויז לויידיק. קיין אופְּרטיט אויז נישטא. כ'בִּין
אוועסק אוין באָד, אבער מַהֲעַרְתָּן נישט קיון שאָדך. כייז אויף דער העכסטער
באנק, קוּק אַרְאָפֶּן אוּלְּוָן שטייןן וואָס מגִיסט אויף אַים פְּרִיטִיאָג די שׂעַטְעַלְעַד
און כ'חידוש זיך, וואָס, אַשְׁטִיגְעָר, דָּאָרָף מעָן מֵיר דָּא? אַן אוּבָּמְדָאָרָף
אַ שְׁדָל, הָאָט מעָן גַּעֲדָרְפָּט בְּרַעֲנָגָן אַוש **פָּוֹן** לוּבְּלִין? סְפָּעָלִין אוִיס
לְאַפְּיטּוֹן אַין זְמַשְׁטָש? אַין דְּרוּיסָן שְׁבִינָתָן די זוֹן (**סְאָיוּן** **פָּאָר** תְּקוֹתָה
תְּמוֹן) אַן דָּא אַיְזָה חַוְשְׁכָדֵיק אַן קָאָלֶט. אַיבָּעָר מִין קָאָפֶּה הענְגָּת אַ שְׁפִּינְ
געֻווּבָּע אַן אַ שְׁפִּינְ שְׁאַקְלָט מִיט די **פִּיסְלָעַד**, וּוּבְּטָבָּא, וּוּבְּטָבָּא. קיין
קָלִיגַּזְעַט מעָן נישט. אַפְּילָו נישט קיון שאָל **פָּוֹן** אַ קָּלִיגַּזְעַט. וואָס עַסְטָז זַי,
קיְרָעָאַיך, ס'אַיְגָּעָנוּ אַינְגָּעוּווֹיד? מִיט אַ מאָל הָעָר אַיך וּוּי זַי עַנְטַפְּעַרט
מִיט אַ גְּמַרְאָן-גִּיגָּוֹן:

— אין הקומץ משבע את הארי ואין הבור מתמלא מחוליותו.
ב' האב ייד צעלאקט.

— איזי גאר? וואס האסטו דיך עפערס פארשטעלט פֿאָר אַ שְׁפִין?

— כ'בין שוין דא געוווען אַ וואָרעט, אַ פְּלוֹי, אַ פְּרָאַשׁ. כ'ז'יך שוין דא צוּוֵי הונדערט יַאֲר אָוָן האָב נישט קִין שטאָך אַרבעט. אַבער אוועק טאָר מען נישט אָן רשות.

— מ'זינדייקט נישט, הא?

II

Как природный черт свидетельствую и утверждаю: чертей на свете больше не осталось. К чему они, когда человек и сам такой же? Зачем склонять ко злу того, кто и так к нему склонен? Я, должно быть, последний из нашей нечисти, кто пытался это сделать. А теперь я нашел себе пристанище на чердаке в mestечке Тишевиц и живу томиком рассказов на идише, уцелевшим в великой Катастрофе. Рассказы эти для меня — чистый мед и птичье молоко, но важны и сами по себе еврейские буквы. Я, разумеется, еврей. А вы что думали, гой? Я, правда, слышал, что бывают гойские черти, но я не знаю их и не желаю знать. Иаков и Исав никогда не породнятся.

Я сюда попал из Люблина. Тишевиц — глухомань и дыра, Адам тут и пописать не останавливался. Местечко такое крохотное, что лошадь, запряженная в телегу, уже на рыночной площади, когда задние колеса только-только подъезжают к заставе. Грязь в Тишевице не просыхает от Суккот и до Тisha бе-Ав. Местечковым козам не нужно даже бороды задирать, чтобы пожевать солому с крыш. Прямо посреди мостовых сидят на яйцах куры. Птицы выют гнезда в париках замужних женщин. В молельне у портняжки десятым в миньян¹ приходится приглашать козла.

Не спрашивайте, как угораздило меня попасть на эти задворки цивилизации. Ничего не попишешь: если Асмодей прикажет, надо идти. От Люблина до Замостья дорога всем известная. Дальше добирайся, как можешь. Мне сказали, что я узнаю местечко по железному флюгеру на крыше синагоги. Флюгер в виде пе-

тушка, а на гребне его сидит ворона. Когда-то петушок крутился от малейшего ветра, но уже давным-давно не шевелится ни в бурю, ни в грозу. В Тише-вице даже железные петушки дохнут от тоски и скучки.

Я рассказываю в настоящем времени, ибо время для меня остановилось. Значит, прибываю я на место. Осматриваюсь по сторонам. Хоть убей, не вижу никого из наших. На кладбище пусто. Отхожего места нету. Захожу в баню — ни звука. Сажусь на верхнюю полку, смотрю вниз на камень, куда по пятницам льют ведрами воду, и думаю: зачем я здесь? Если тут по-надобился опытный бес, неужели надо гнать его из Люблина? Что у них — в Замостье чертей мало? Снаружи сияет солнце — время летнее, но в бане холодно и мрачно. Надо мной висит паутина, в паутине сидит паук и сучит лапками, будто прядет свою нить, но нить не тянется. Мух кругом ни следа, даже шкурки мушиной не видно. Чем же он питается, мошенник, думаю я, — неужели собственными потрохами? И слышу вдруг напевный талмудический голосок: "Не насытится лев малым кусочком, и канава не наполнится землею, осыпающейся с краев ее".

Меня разбирает смех.

— Да неужели? Ты зачем это прикинулся пауком?

— Побывал уже я червяком, блохой и лягушкой. Сижу здесь двести лет, а работы — кот наплакал. Но уйти нельзя — нет разрешения.

— Что они здесь — не грешат, что ли?

— קלוייז מענטשעלעך, פיעצלייך עבירהלהיך. הינתן גלוסט מען צו
יעגעטס בעזעם, מארגן פאסט מען אַתְּעַנִּית אָוֹן מִתּוֹת אַרְבָּעָה אֵין
די שיך. ציטט ר' אַבְּרָהָם זִלְמָן האט זיך אַינְגֶּרְעָדֶט, אוֹ ער אֵין מִשְׁיחָה
בָּנְיֹסֶף, זענען די גַּעֲבָלִיטָן בִּנְים עַולְם פָּאַרְגְּלִיוּוּרט. וּזְעַן אֵיך בֵּין דָּעַר
שָׂטָן וּוְאַלְט אֵיך דָּא אַפְּלִו נִישְׁט גַּעֲתָאַלְטָן קִין דְּרַדְקִי-שְׁרָעָטָל.

— סְקָאַסְט אִים טְפִיעָר, הָא?

— וּזְעַס הָעָרֶט זיך דָּעַר וּוּלְט? — פְּרָעָגֶט עַר.

— בֵּין דָּעַר סִיטְרָא-אַתְּרָא? נִישְׁט פּוֹיגְלָדִיק.

— וּזְעַס אֵיך? דָּעַר יִצְּרָטָוּבָה האט זיך גַּעַשְׁטָאַרְקָט?

— גַּעַשְׁטָאַרְקָט? בְּלוּזָן אֵין טִישְׁעוֹיז אֵין עַר אַתְּקִת. אֵין דִי גְּרוּסֶע
שְׁפָעָט וּוְיִסְטָמַע אֵין אַפְּלִו, נִישְׁט אָוֹס אַיְזָן דָּא אַיְזָרְטָוּבָה. אַפְּלִו אֵין לְוָבְּלִין
אֵין עַר שְׁוִין אָוִיס קָפְּפָלְשָׁ-מַאְכָעָר.

— אֵין דָּאָך גּוֹט.

— טְוִיג עַרְשָׁת נִישְׁט — זָאָג אֵיך. — פּוֹלוֹ חִיְּבָאֵין פְּאַר אָונְדוֹן עַרְגָּעָר
וּוּ פּוֹלוֹ זָאָג. סִהְאַלְט שְׁוִין דְּעַרְבִּי, אוֹ מִזְוִילָה מַעַר וִינְדִּיקָן וּוּיְלָדִי
פּוֹחוֹתָה קְלָעָקָן. מְאֵין זיך מַסְּרָ-גְּנָשָׁ פְּאַר אַבְּרָעָל עַבְּרִיה. וּוּ בָּאַלְד אָוֹוִי,
וּזְעַס דָּאָרְטָה מַעַן אָונְדוֹן? אָנוּמָלָט קְלִי אִיר אַבְּיָרָד דָּעַר לְעַוְּאַרְטָאָוּר גָּסָס,
גִּיטָּ פְּאַרְבִּי אַיְדָמִיט אַשְׁוֹאַרְצָעָר בָּאָרְד, גַּעַלְאַקְטָעָ פָּאוֹת, אַטְכּוּרְגָּעָם
טוּלְעָפָּע, אַבְּוֹרְשְׁטִינְגָּעָן צִיגְּאַרְשְׁפִּיצָל. אַקְעָגָן שְׁפָאַנְטָ אַפְּרִיצָה. פְּאַלְטָמִיר
אָפְּנָן אָוּן בְּזָאָג: וּזְעַס זָאָג אַיְר, פְּעַטְעָר, צְוּ דָּעַר מַעְצָצָע? מַעַר וּוּ אַוְיָף
אַבְּיָרָהָרָה אַיְדָמִיט מִיךְ נִשְׁטָגָעָרָה. כִּיְהָבָשׂ מַוְּרָא גַּעַחַטָּ עַר זָאָל מִיךְ
נִשְׁטָגָעָר אַוְיָשִׁיְגָעָצָן אַדְעָר אַפְּשָׁפְּגָעָן. כִּיְהָבָשׂ שְׁוִין בְּבִיְגָעָנוּמָעָן
דִּי פְּאַטְשִׁילָע. עַרְשָׁת עַר טָוֹת אַרְפָּה מִיט אַגְּבִּיּוּרָה; וּזְעַס רַעַדְסָטוֹ צְוּ
מִיד? בֵּין מִיר הָאַסְטָו גַּעַפְּוּלָט, רַעַד גַּלְבִּכְעָר מִיט אַיְר...

— וּזְעַס אֵיך דָּאָס פְּאַר אָן אַנְשִׁקְעָנִיש?

— הַשְּׁכָלָה. אֵין דִי צְוַיִּי הַוְּנְדָעָרָת יִאָר וּזְעַס דָו סְעַקְעָסָט דָא האט דָעַר
יִצְּדְּהָרָעָ פְּאַרְקָאַכְט אַפְּרִישָׁ קָאַשָּׁע. סְעַנְעָן אַוְיָגְעָקְוָמָעָן שְׁרִיבְבָּר בֵּין
יִדְן, אַוְיָף לְשׂוֹן-קְדוּשָׁ, אַוְיָף עַבְּרִית-טִיבָּת, אָוּן זִי הַאָבָן אַיְבָרְגָּעָנוּמָעָן
אָונְדוֹעָרָ מְלָאָכָה. מִיר דָאָרְקָן זִיךְ רַיְטָן דָעַם הַאָלְדוֹ מִיט יַעֲדָן חִמּוֹר-אִיּוֹל
בָּאָונְדוֹעָרָ, אַבְּעָר יַעֲנָע דָרְקוֹן זִיעָרָעָ שְׁמָאנְגָּצָעָ אֵין אַסְטָקְפִּיעָס אָוּן צְעִשְׁקָיָן
בְּכָל-תְּאַפְּצָוֹתִיְּ-יְשָׁרָאֵל. זָוְיָעָנָע אַלְעָ אָונְדוֹעָרָעָ שְׁטִיקָה; שְׁפָאַט אֵין שְׁפָאַט
אָוּן פְּרוּמְקִיָּת אֵין פְּרוּמְקִיָּת. זָוְיָעָנָע מְתָהָר דָעַם שְׁרִץ בְּקָיָן טָעָםִים. וּוּילָן
נִשְׁטָגָעָר נָאָר אַוְיָסְלִיָּוָן דִי וּוּלְטָם. וּזְעַס האט מַעַן דִיךְ דָא גַּעַלְאָזָט
זִיכְן צְוַיִּי הַוְּנְדָעָרָת יִאָר וּוּ בָּאַלְד דָו קָאַנְסָט גַּאֲרִנְשָׁטָקָלְיָעָמָקָן? אָוּן
אוּבָד דָו קָאַנְסָט קִינְגָּעָם נִשְׁטָגָעָר אַיְבָרְקִירָן אֵין צְוַיִּי הַוְּנְדָעָרָת יִאָר, וּזְעַס
קָאָן אֵיךְ פְּאַרְדָּאָרְבָּן אֵין צְוַיִּי וּוּאָקָן?

— מִזְאָגָט: אַגְּסָט אַוְיָף אַפְּרִיל, זָוְטָ אַוְיָף אַמְּלָל.

— וּזְעַס אֵיך דָאָס פְּאַרְאָן צְוּ זָוּן?

— עַפְּעָס אַרְבָּל האט זיך אַהֲרָר אַרְיְבָרְגָּעָלִיבָן פָּן מַוְּלִיְבָאָשָׁעָץ.
אַפְּגָנְגָעָר-מַאְנָן נָאָר פְּאַר דִי שְׁלָוְשִׁים, אַבְּעָר מַלְאִיּוֹדָשׁ. האט שִׁיס אַוְיָפָן
קָאָפָּה. אַפְּקָוְבָּל אַיְנָעָר אֵין פְּנוּגָן. פְּאַסְטָמָעָן דָאַנְגָּרְשָׁטָאָג. טָוקָט זִיךְ
אַיְנָעָן קְאַלְטָעָמִיקְוָאָתָה. לְאַזְוָת צְוּ זְקָקָ נִשְׁטָגָעָר רַעַד. דָעַרְצָוּ האט עַר אַשְׁיְנָעָן
רַבְּצִין, פָּתְבָּלָו. סְאַיְזָן דָעַן דָא מִיט וּזְעַס צְוּ פְּרוּזָן? גַּיְיָ רַיְר אָן אַבְּיָזְרָנָעָן
מוּיָעָר. וּזְעַס מַפְּרָעָגָט מִיךְ, דָאָרְקָן מַעַן דָאָס גַּאנְצָע טִישְׁעָוִיז אַוְיָסְמָעָן פָּן
רַיְסְטָעָר. אוּבָד דָו קָאַנְסָט מִיךְ אַרְיְסָטָגָעָמָעָן פָּן דָאַנְגָּעָן, רַאְטָעָוּ מִיךְ וּוּיָלָל
כְּיוּעָר מְשׁוֹגָע!

— פְּרַיְעָר מוֹזָא אֵיך אַרְבָּל טָאָן צְוּם רַבָּל, וּזְעַס הִיבְּטָמָעָן אֵן, הָא?

— אַדְרָבָא, זָאָג דָו מִיר. נָאָר אַיְדָעָר דָו עַפְּגָנָט סְמוּיל, שִׁיט עַר דִיךְ

שְׁוִין זָאָלָץ אַוְיָפָן וּוּיָדָל.

— אֵיך בֵּין אַלְבִּינְגָּר, מִיךְ קָאָן מַעַן אָוֹי גַּיךְ נִשְׁטָגָעָן.

— **Мелкие людшки, мелкие грешки. Сегодня он возжелает метлу ближнего своего, а завтра уже постится и насыпает горох себе в башмаки покаяния ради. С тех пор, как Аврахам Залман вообразил себя Мессией, сыном Иосефовым², здешняя публика погрузилась в спячку. Будь я на месте Сатаны, я бы сюда и первоклашку не стал посыпать.**

— Сатане это денег не стоит.

— А что новенького на свете?

— Для нашего брата хорошего мало.

— А что случилось? Или Дух святой укрепляется?

— Где там укрепляется! Он только в Тишевице крепок. В больших городах о нем и слыхом не слыхивали. Даже в Люблине он вышел из моды.

— Так это же прекрасно!

— Ничего не прекрасно, — говорю я. — Для нас "кругом виноват" куда хуже, чем "чист и невинен." Дело дошло до того, что люди тянутся грешить выше своих сил и возможностей. Они готовы на вечные муки ради мелкого пошлого грешка. А тогда мы зачем? Вот недавно я летел над Левертовской улицей и увидел еврея в скунсовой шубе. Черная борода, закрученные пейсы, в зубах янтарный мундштук. Навстречу ему — чиновничья жена. Я возьми да и скажи: "Ничего бабенка, а, приятель?" Я надеялся, самое большое, на грешный помысел с его стороны. Даже носовой платок приготовил утереться, если он в меня плюнет. А он что делает? "Не трать слов попусту," — отвечает он сердито, — я готов. Давай-ка лучше ее обработай".

— Что же это за напасть такая?

— Просвещение! Пока ты здесь двести лет баклуши бил, Сатана заварил новую кашу. У евреев появились писатели. На идише, на иврите — перехватили наше ремесло. Мы тут горло надрываем, толкуя с каждым подростком — а они свою белиберду выпускают несметными тиражами и распространяют всюду среди евреев. Они все наши приемчики мигом усвоили — и богохульство, и благочестие. Они тьму доводов приведут, чтоб доказать, что крыса — тварь кошерная. У них одна цель — принести погибель миру. Вот ты, тебя здесь держат двести лет, и никого ты не сумел развертить. А если ты за столько лет ничего не смог сделать, чего ждать он меня за две недели?

— Ну, как говорится, — поглядишь на дело свежим глазом.

— Да на кого тут смотреть?

— К нам переселился из Модлы Божиц молодой раввин. Ему еще и тридцати нет, но он ученый до невозможности, знает наизусть все тридцать шесть трактатов Талмуда. Величайший каббалист на всю Польшу, постится по понедельникам и четвергам, а в **микве** обливается ледяной водой. Нашего брата он на версту к себе не подпускает. Вдобавок у него красивая жена, которая его прекрасно кормит. Ну, чем мы его можем соблазнить? Он как железная стена, ничем не прошибешь. Если хочешь знать мое мнение, Тишевиц надо вычеркнуть из наших списков. Я об одном прошу — убрать меня отсюда, пока я не спятил.

— Нет сперва я должен поговорить с этим раввином. Как ты думаешь, откуда к нему лучше подступиться?

— Сам решай. Ты и рта раскрыть не успеешь, как он тебе соли на хвост насыпает.

— Ну нет, я люблинский. Меня так просто не спугнешь.

ב

- אוַיְקָן ווֹעֶג זָאָג אִיךְ צּוֹ דֻּעַם שְׁרָעַטְלָ ?
— ווֹאָסְחָאַסְטָו גַּעֲפְּרוֹוֹת ?
— ווֹאָסְהָאַבְּ אִיךְ נִישְׁתָּ גַּעֲפְּרוֹוֹת ? — עַנְטַפְּעַרְטָ עַר .
— אַ נְקָה ?
— עַר קְוֹקְטָ נִישְׁתָּ .
— אַפְּיקְוֹרְסָוֹת ?
— הָאַט אַוִּיףְ אַלְזָ אַן עַנְטַפְּעַרְטָ .
— גַּעַלְט ?
— קְעַן נִישְׁתָּ קִיְּן צְוָרָתִמְטָבָעָ .
— כְּבָד ?
— אַ בְּרוֹחָ מִן הַפְּכָדָוָר .
— קְוֹקְטָ וַיְךְ נִישְׁתָּ אָוִיךְ צְוָרִיךְ ?
— טָוָט נִישְׁתָּ קִיְּן דִּיר מִיטָּן קָאָפְּ .
— עַפְּעָס אַ פְּנֵיה הָאַט יַעֲדָר אַיְגָנָעָר .
— וַיְוַו שְׁטַעַקְטָ זַי ?
דָּאַס פְּעַנְצְּטָעָר אַיְן בִּיתְ-דִּינְ-שְׁטוּב אַיְן אַפְּקָן . מִיר פְּלִיעָן אַרְיָין . אָן אַרְוֹן
קוֹדֶשׁ , סְפָרִים-שְׁעַנְקָן , אַ מְוֹוָה אַיְן אַ הַילְצָעַנְגָּר שִׁידָּ . דָעַר רַבָּ , אַ יְוָנָגְעָר
מְאַן מִיטָּא בַּלְאָנְד בְּעַרְדָּל , בְּלוּיָּ אַוִּיגָּן , גַּעַלְעָ פָּאוֹת . אַ הוֹיכָן שְׁטָעוֹרָן , טִיבָּע
וַיְנְקָלְעָן , זִיצְטָ אַוִּיףְ דִּעְרָ בִּיסְאַרְבָּנוֹת . קְוֹקְטָ אַרְיָין אַיְן אַ גְּמָרָא . עַר אַיְן
בָּאוֹאַפְּנָטָ מִיטָּאַלְזָ , אַ קָּאָפְּלָ , אַ גָּאָרְטָלָ , אַ טְּלִיתְ-קְטָן , פְּקָוָלְ-שְׁמוֹנוֹה צִיצְתָּ .
כִּיחָדָר מִיךְ אַזְוֹן צּוֹם שִׁידָּלָ , רַיְנָעָ מְחַשְּׁבָות . עַר טָוָט וַיְזָרָ אַזְקָל אַזְנָט
בְּרוֹמָעָן : רַחְלָ טְעוֹנָה וְגַ�וָּהָ , אָזְנָ עַר טִיבְשָׁטָ אַוִּיסְ אַוִּיףְ יִדְיִשְׁ-טִיבְשָׁ :
אַ בְּאוֹאַקְסָן שְׁעַפְּסָל אָזְנָ עַר הָאַט עַס אַפְּגָעָשָׁוִרִין ...
— רַחְלָ זָאָג אִיךְ אַזְנָ דִּעְרָ טִיבְשָׁ אַ שְׁעַפְּסָל אָזְנָ רַחְלָ אִיךְ אַזְנָדָל .
— נָא , אִיךְ וַיְאָס ?
— אַ שְׁעַפְּסָל הָאַט וְוַאל אָזְנָ אַזְנָדָל הָאַט הַאָרָ .
— אִיךְ דָּעְרִיבְעָר ?
— אַוִּיבָּ זַי אִיךְ נִישְׁתָּ קִיְּן אַיְלָגָוִתָּ , הָאַט זַי סִימָנִי גַּעֲרוֹתָ .
— בְּעַבְעָ נִישְׁתָּ ! לְאָזְנָ מִיךְ לְעַרְבָּןָן ! — טָוָט וַיְזָרָ דִּעְרָ רַבָּ אַ בִּיוּעָר .
— וְוַאֲרָסְ אַמְּגָוֹת — זָאָג אִיךְ . — דִּי תּוֹרָה וְוַעַט נִישְׁתָּ קְאָלָט וְוּרָן .
יַעֲקָבְ הָאַט טָאָקָעַ לִיב גַּעַתָּט רַחְלָעָן , אַבְעָר אַזְוֹן מִהָּאַט אִים גַּעַגְבָּן לְאַהֲן ,
הָאַט עַר וַיְזָרָ אַוִּיךְ אַזְנָט אַפְּגָעָסָטָ , אָזְנָ אַזְוֹן לְאַהֲן הָאַט אִים דָעַרְלָאָגָט פְּאָר
אַ קְעַפְּסָוִיבָּבְ וְלַפְּהָןָן , הָאַט רַחְלָ אַוִּיףְ צְפִיקָעָנִישָׁ אִים צְוָגָשָׁאָגָנָט בְּלַהֲהָן .
— פְּאָרָ מְתַנְּ-תּוֹרָה .
— וַיְאָס אִיךְ מְפֹהָ דָוד הַמֶּלֶךְ ?
— פְּאָרָן חָרָם , נַאֲכָן חָרָם , אַמְּגָבָל אִיךְ אַמְּגָבָל .
— שִׁיגָּאָצָן ! שְׂדֵי קְרָעָ שְׁטָוָן ! — טָוָט דִּעְרָ רַבָּ אַ גַּשְׁרִיָּ . עַר טָוָט
זִיךְ אַגְּעָם אַגְּעָם בְּנֵי פָאָוָת אָזְנָ שְׁקָלָט וַיְזָרָ אַפְּ וַיְזָרָ אַבְּן אַבְּיָוֹסְדוֹכְטָעָ
נִישָׁ . — וַיְאָס פְּאָלָן מִיר עַפְּעָס אַיְן אַזְוֹנָעָ שְׁטוֹתִים ! — חִידְוָשָׁת עַר זִיךְ .
עַר כָּאָפְּט וַיְזָרָ אַגְּעָם בְּנֵי דִי לְעַפְּלָעָן אַזְנָ פְּאָרְשָׁטָאָפְּט מִיטָּזִיךְ זִיךְ דִּי אַיְיעָרָן . אִיךְ
רַעַד , נַאֲרָ עַר הַעֲרָתָנָט נִישְׁתָּ . עַר פְּאָרְטִיפְּט וַיְזָרָ אַיְן אַזְנָ שְׁוֹעָרָ שְׁטִיקָלָ מְהַרְשָׁאָ
אָזְנָ פְּאָיָזָן שְׁוֹזָן נִשְׁתָּאָמִיט וְוּמְעָן צּוֹ רַעַדָּן . מִין שְׁרָעַטְלָ רַוְּקָט וַיְזָרָ אַגְּעָם
— אַגְּרָטָטָר בִּיסְןָ , הָאַזְנָמָן וְוַעַט עַר פְּאָסָטָן אָזְנָ זִיךְ קוֹלְלָעָן
אַיְן שְׁטַעַכְעָכָן . רַעַט צְעַטְיָלָן דֻּעַם לְעַצְטָן גְּרָאָשָׁן אַוִּיףְ צְדָקָתָ .
— הַנְּגַנְּטִיקָעָ צְיִיטָן אַזְוֹן מַאמְּן ?
— שְׁטַאָרָקָ וַיְזָרָ אַפְּעַלְדוֹן .
— דִי רְבִּיצְיָן ?
— אַזְנָ וּוֹלָה תְּמִימָה .
— דִי קִינְדָּעָר ?
— פְּיַצְלָעָן .
— אַקְשָׁרָה הָאַט עַר אַ שְׁוֹיְגָעָר ?
— שְׁוֹזָן בְּעַלְמָא דְקָשָׁוֹט .
— מְחַלְקָת ?
— רַהֲאַט נִישְׁתָּ קִיְּן הַלְּבָן שְׁוֹנָא .

По дороге к раввину стал я расспрашивать чертенка:

- Ты какие методы пробовал?
- Да каких я только не пробовал! — отвечает.
- Женщину?
- Он смотреть на нее не станет.
- Ересь?
- Он на этом деле собаку съел.
- Деньги?
- Да он монетки отродясь в руках не держал.
- Слава?
- Он ее презирает.
- Нет ли у него чего в прошлом?
- Вовсе оно его не беспокоит.
- Должна быть у него какая-то слабинка.
- Не знаю, где ее искать.

В кабинете раввина распахнуто окошко, влетаем мы внутрь. Кругом обычные причуды: шкафчик со Святым Писанием, книжные полки, мезуза в деревянном футляре. Раввин, молодой человек с белокурой бородой, голубыми глазами и рыжеватыми пейсами, с высоким лбом и глубокой залысиной, сидит в раввинском кресле и изучает Гемару. Он наряжен в полную форму: ермолка, кушак и окаймленный бархатом талес, где каждая бахромка сплетена в восемь нитей. Я прислушиваюсь, что происходит у него в голове: мысли самые чистые! Он раскачивается из стороны в сторону и декламирует: "Рахель т'уна в'газеза", затем переводит: "остриженка рунная овца".

- На иврите "Рахель" — это и овца и женское имя, — говорю я ему.
- И что же?
- У овцы шерсть, а у девушки — волосы.
- Что из этого следует?
- Если только она не двуполая, у нее волосики на лобке.
- Перестань нести вздор и дай мне заниматься, — сердито говорит раввин.

— Погоди минутку, — говорю я, — Тора от тебя не убежит. Иаков, это правда, любил Рахель, но когда ему взамен подсунули Лию, он ведь тоже не отравился. Потом Рахель дала ему в наложницы Билху, и как же отомстила сестре Лия? Положила ему в постель Зиллу.

- Все это было до того, как Тора была дана евреям.
- А царь Давид?³
- Это произошло до отлучения, провозглашенного рабби Гершомом⁴.
- До рабби Гершома или после, а самец всегда самец.
- Мерзавец. Шаддай, кра Сатан!⁵ — вскричал раввин.

Ухватившись обеими руками за пейсы, начинает он трястись, как от дурного сна. "Что за дурацкие мысли лезут мне в голову?" Он берется за мочки ушей и закрывает глаза. Я продолжаю говорить, но он не слушает — погрузился в Писание, и слова мои отскакивают от него, как горох от стенки. Тишевицкий чертенок говорит:

- Крепкий орешек, а? Завтра он будет поститься и кататься на ложе из репейника. И отдаст последнюю копейку бедным.
- Чтобы в наши дни такая твердость в вере?
- Крепок, как скала.
- А жена его?
- Жертвенный агнec.
- А дети?
- Младенцы-несмышленыши.
- Может, у него теща есть?
- Уже переселилась в лучший мир.

— ווּ נְעַמֵּת זֶה עָפָס אֹזֶת תְּכַשִּׁיט?

— בְּכִי יְדַעַן פָּאָרָוָאָלְגָּעָרָט זֶה.

— כִּמוֹ אִם בִּיכְוּמָן, סִיאַנוּ בַּיְ מִיר סְעַרְשָׁטָע שְׁלִיחָות, מְהַאַט מִיר צוֹגְעָזָגָט, אָו אָוִיב סְעוּטָמִיר גַּעֲרָאָטָן, שִׁקְטָמַעַן מִיךְ קִין אָדָעָס.

— וּוֹאָס אִיז דָּס אָזְוִינָס?

— אָגְעַדְעַן פָּאָר אָונְדוּרָעַ לִיבְטָן. קָאנְסְטָט שְׁלָאָפָּן פֵּיר אָוָן צוֹוָנָצִיךְ שְׁהָא אָן מַעַתְּלָעָת. סְפָּעָבָל וִינְדִּיקָט אָוָן דָּו דָאָרָפָט נִישְׁטָצְלִיגָּן קִין פִּינְגָּעָר.

— וּוֹאָס זֶשֶׁע טָוָט מִעַן דָּאָרָט גַּנְצָע טָעָג?

— מְשִׁפְּלָט זֶה מִיטָּדִי שְׁדִיכָּס.

— דָּס אִיז נִישְׁטָאָט קִין אִין שְׁדִיכָּע — טָוָט דָּס שְׁרָעָטָל אָזְיָאָז. — גַּעֲוָעָן אָן אָלְטָעָט פְּלַבְּטָעָט, הָאָט זֶי צוֹגְעָמָאָכָט אָוָאָוִיג.

— וּוֹאָס טְוָסְטוֹ?

— מְעַשְׁהָאָוָן.

— נִשְׁטָאָט קִין תְּכִילָתָה. הָעַלְפָ מִיר צָו אָוָן כִּשְׁוּעָר בַּיְ אַשְׁמָדָאִים בָּאָרָד, אָוָן כִּיוּעָלָד רִיךְ פָּוָן דָּאָנָעָן אָוִיסְטִילְיָוָן, וּוּסְטָ וּוּרָן בַּיְ מִיר אָשָׁלָאָטָן-שָׁמָשָׁ.

— הָלוֹוָאָי, אָבָעָר לִיְיָגְדִּיר נִשְׁטָאָט קִין פְּיִיגָּעָלָעָט אִין בּוּועָם.

— מְהַאַט שְׁוִין צָו רַעַכְתָּ גַּעֲמָאָכָט, זָאָג אִיךְ, גַּרְעָסְעָרָעָט פָּוָן אִים...

— Может быть, он ссорится с кем-нибудь?
— У него нету ни единого врага на свете.
— И откуда только взялось это сокровище?
— Бывает. Изредка является среди евреев этакая диковина.

— Я непременно его должен схватить. Это мое первое задание в здешних краях. В случае успеха мне обещан перевод в Одессу.

— Что же там хорошего?

— Нашему брату это рай земной. Спи хоть двадцать четыре часа в сутки. Тебе и пальцем шевелить не приходится, жители сами грешат наперебой.

— Чем же вы занимаетесь целый день?

— Развлекаемся с чертовками.

— А здесь ни одной нашей девочки нет. — Чертенок вздохнул. — Была одна старая карга, и та ноги прятнула.

— Как же ты обходишься?

— По способу Онана.

— От этого мало удовольствия. Вот помоги мне и, клянусь бородой Асмодея, я тебя отсюда вытащу. У нас там есть вакансия — готовить смеси из горьких трав. Только и работы, что на Песах.

— Будем надеяться, что у нас что-нибудь получится, но ты не торопись считать цыплят.

— Ничего, и не таких обмишували.

III

או ס'איו אַרְיָבָעָר אָוָאָס עַסְקָה אָט זֶה נִישְׁטָצְלִיגָּר פָּוָן
אָרָט, אִיז מִיר גַּעֲוָעָן קָאָלְעָמוֹתָנָעָן. אָוָאָס אַיְן טִישְׁעָוִיךְ אִיז וַיַּיְ אִיךְ אַיְן
לוּבְּלִין. דָּס טִישְׁעָוִיךְ שְׁרָעָטָל אִיז אַגְּנָץ וּוּוּיל שְׁרָעָטָל, אָבָעָר אָז
מִיזְיָצָט אָפְּ צְוַיְיָי הַגְּדָעָרָט יָאָר אִין אֹזֶת מִקְומָם. וּוּרָטָמָעָן קָלִינְשָׁטָעְטָלְדִּיק,
זָאָגָט וּוּצִין פָּוָן חָנָכָס צִיפְּטָן. לְאָכְטָ אַלְיָין וַיַּיְ אַפְּרָאָדָם. רַוְּטָט אָן נִעְמָעָן
פָּוָן דָּעָרָה הַגְּדָה. יְעַדָּע מַעַשָּׂה הָאָט שְׁוִין אָבָּאָרָד. כִּיוּוּלָוָס גִּכְעָר אַגְּנָלְוִיכְן
פָּוָן דָּאָנָעָן, אָבָעָר צְוַרְקָקָמָעָן מִיטָּגָרָנִישָׁת. אִיז אַקְּנָפְעָ קָנוֹן. כִּיהָאָב
שְׁוֹנָאִים צְוַיְשָׁן מְנֻגָּעָלָט אָוָן סְיוֹאָלָט זֶה אַגְּנָהָוִיכְן אַחֲצָעָה. אָפְּשָׁר
הָאָט מִיךְ אַיְינָגָנס גַּפְשִׁיקָט כִּיזְאָל בְּרָעָכָן הַאָלָדוֹן אָוָן נָאָכוֹ? אָז שְׁדִים
הָעָרָן אוּפְּרָשְׁטְרִיבִּיטָן מִיטָּמָעָנְשָׁן, שְׁטָעָלָט מִעַן זֶה אַונְטָעָרָט פִּיסְלָעָט אַיְינָעָר
דָּעָם אַנְדָּרָעָן.

אָגְלָה אָבָּאָרָיָךְ, אָוָן פָּוָן אָלָעָט גַּעֲצָן וּוּאָס אָונְדוּרָעָט פָּאָרָשְׁפְּרִירִיטָן וּנְגַעַן
דָּרְתָּ בְּדֻוקְ וּמְנוֹתָה: נְיָוָתָ, גַּעֲלָתָ, גַּעֲלָתָ. קָעָגָן אָלָעָט דָּרְתָּ אִיז קִינְגָּרָנִיָּה
בָּאָוָאָרָנָטָן, מַעַג עַר זִין דָעָרָבָּי רִיךְ צָאָז. פָּוָן דִּי דָרְתָּ אִיז גַּוֹּוָתָן אַנְיָעָרָנָטָן
בְּרִיקָ, אַשְׁמִינִיתָ שְׁבָשִׁמְגִיתָ מַעַג הַאָבָּן אַתְּלִימִידִ-חַכְמָםָ לִיְוָתָן דִּי, אָבָעָר
אַיְדָן אַלְמָדָן הָאָט מִיטָּא שְׁמִיצָל אַרְיָבָעָר. אָוָן כִּיאָבָּעָן דָּעָם טִישָׁעָי
וּוּצִערְ רַבְּלָאָן אַיְנְגָעָשְׁפָאָרָט אָוָן דִּי טָעָג לוֹוָן, — הָאָבָּאָרָיָךְ פָּאָרָלִיָּגָט
אוּפְּ גַּוֹּוָתָן.

— טִישְׁעָוִיךְ רְבָּה, זָאָג אִיךְ, כִּיבְּנָן נִישְׁטָאָט קִין נְעַכְּטִיקָר. כִּיקְוָם פָּוָן
לוּבְּלִין. מִיטָּפְשְׁטָלָעָט בְּרוּקִירְטָמָעָן בַּיְ אַוְנוֹדוֹ דָעָם שָׁאָסִי. מִיטָּחִיבָּרִים
הַיִּצְחָצָט וּוּי דָעָם אַיְוָוָן. פָּוָן קְבָּלהָ בְּרָעָכָן זֶה בִּידְעָמָעָרָט. נָאָר אֹזֶת בְּעַלְיָ
מְדֻרְגָּה וּוּי דָעָמָעָן נִישְׁטָאָט אַפְּלִילָוָן אַיְן לוּבְּלִין. וּוּי קְומָטָעָס
בְּאָרְגָּן, אָבָעָר פָּוָן שְׁוֹנִיגָּן קְוָמָטָנָה. שְׁוִין צִטְטָזְאָלָט דָעָרָקָדָן
מְנַהְגָּה הַדָּרוֹן, נִישְׁטָאָט אַרְבָּה אַיְן קָק טִישְׁעָוִיךְ. שְׁוִין צִטְטָזְאָלָט דָעָרָקָדָן
אַנְפְּלָעָקָן. אוּפְּרָשְׁטָאָט אַיְזָה וּוּי דָוָאָרָטָן אָלָעָט עַולְמָוֹת. מַשְׁיחָ אַלְיָין זִיכְטָאָז
קָנְצִיפָּר אָוָן קוֹקָט אָוִיסָט דִּי אַוְגָּזָן אוּפְּרָשְׁטָאָט אַדִּיקְתָּמִים. אָבָעָר וּוּסְטָט
דָוָן? זִיכְטָסָט אַוְיָפְּרָשְׁטָאָט שְׁטָוָלָן אָוָן פְּסָנְטָט טַעַפְלָלְלָעָטָל. זֶה מִיר מַוחְלָלָ פָּאָרָן
פָּאָרָלִיָּק, נָאָר סִיאַנוּ וּוּי מִזְאָל אַיְנְגָעָשְׁפָאָנָעָן אַהֲלָקָאָגָנָעָן אַחֲרָיָהָן אַשְׁטָרְוִי.

— וּוּרְדָּרְבָּרְבָּהָן? זֶה וּוּסְטָטָוָן? — פְּרָעָגָט עַר מִיךְ אַדְרָשָׁאָקָעָנָר. —
וּוֹאָס לְאָסְטוֹ מִיךְ נִישְׁטָאָט לְעַרְגָּעָנָעָן?

Прошла неделя, но дело наше не продвинулось никак; настроение у меня стало скверное. Неделя в Тишевице стоит целого года в Люблине. Тишевицкий черт неплохой парень, только, просидев в этой дыре двести лет, он совсем опростился. Отпускает шуточки, которые уже Эноха не смешили, и сам же покатывается с хохоту; хвастается личным знакомством с героями Агады. Анекдоты его все с бородой. Я мечтаю убраться отсюда подобру-поздорову, но вернуться с пустыми руками — фокус невелик. У меня полно врагов среди коллег, против меня плетутся интриги. Может, меня именно сюда послали, чтобы я себе сломал шею. Когда в войне с людьми передышка, черти начинают пакостить друг другу.

Опыт показывает, что из имеющихся в нашем арсенале крючков для уловления душ есть три, не знающие промаха: похоть, жадность и гордыня. Ускользнуть от всех трех не может никто, даже рабби Цоц. Надежней всех — сети честолюбия. Талмуд гласит, что ученому мужу дозволяется восьмая доля восьмой доли тщеславия. Но ученый муж, как правило, превышает эту норму. Видя, что дни идут, а тишевицкий раввин не поддается, я решаю упирать на тщеславие.

Рабби из Тишевица, — говорю я ему, — я не вчера родился. Сам я из Люблина, где улицы вымощены толкованиями Талмуда. Ученые рукописи идут у нас на топливо для печек. Наши чердаки ломятся от каббалистических сочинений. Но даже в Люблине я не встретил человека, равного тебе ученостью. Как же это так случилось, — спрашиваю я, что никто о тебе не слышал? Может быть, истинным праведникам и достойно укрываться в безвестности, но скромность не спасет мир. Тебе пристало стать вождем нынешнего поколения, а не раввином здешней общины, какая бы она ни была праведная-расправедная. Настало время открыть себя миру. Небо и земля ожидают тебя. Сам Мессия, восседая на Птичьем Гнезде, смотрит вниз, выискивая безупречного святого мудреца — именно такого, как ты. Сидиши в своем раввинском кресле и выносиши приговор: этот горшок кошерный,

— ווער וועט מיר געבן?
— אויך הײַס, ניבן יידן.
— ווער וועט מיך אויסטהאלטן?
— א שידער מעג אָראָפָֿנְָעָמְָעָן פָּאָר זיך אָ חָלָק,
 סִבְּנִיבִּיתָת.
— סְעַט קְלָעָקָן פָּאָר אַלְעָמְָעָן.
— וואָס זָאָל אַיך טָאָן שְׂוִין אַיְצָת?
— פָּאָרְמָאָךְ דֵּי גָּמָּרָא.
— אוֹי, סְאָיוֹ נֶשְׁיָּה חֲשָׁקָה בְּתוֹרָה! — האָט דָּעַר טִישְׁוּוּץְעָר אַ קְרָעָכְז
 געטָאָן.

ער האָט פָּאָן דָּעַסְטָו וּוּגָן אַוְיְגָהָוִיבָן דָּעַם טָאָוָל, גְּרִיטָט צָו פָּאָרְמָאָכָן.
וּוּגָן עַר טָוָט דָּאָס, אַיְזָע עַר אַ פָּאָרְטִּיקָעָר. וּוּגָס האָט דָעַן גַּעַטָּאָן יוֹסָף דִּילָה
רִינְהָה? דָּעַרְלָאָנְגָט סְמָאָלָן אַ שְׁמָעָק טָאָבָעָק. כְּהָאָב שְׂוִין גַּעַלְאָכָט אַיְן הָאָרֶץ?
טִישְׁוּוּץְעָר רְבָּל, בִּיסְטָמָאָן פָּעָקָל! דָאָס שְׁדָל פָּאָן בָּאָד, וּוּגָס אַיְזָע גַּעַשְׁטָאָגָעָן
אַיְזָע אַוְיְנָקָל אָוָן גַּלְוִישָׁט, אַיְזָע גַּעַוָּאָרָן גְּרִין פָּאָן קִינְגָּה. צָוָאָר, כְּהָאָב
לְבִיטָאָן שְׁטָאָרְקָעָר פָּאָן אָלָץ. מִיטָּאָטָוָט דָאָס רְבָּל אַ זָּאָג:
— פָּאָרְגִּיבָּר מִיר, מִין הָאָר, נַאֲרָכְיָאָלָאנְגָן נַאֲדָאָן אַ וּאָרְצִיכָּן.
— וּוּגָס פָּאָרְלָאָנְגָטָסָה? כִּיזָּאָל אַפְּשָׁטָעָלָן דֵּי זָוָן?
— וּוּגָס מִיר דֵּי פְּיָס.

אָזֶוּ וּוּי דָעַר טִישְׁוּוּץְעָר האָט אַרְוִיסְגָּבָרָאָכָט דֵי דָזְזִיקָע וּוּרְטָעָר,
הָאָב אַיך גַּעַוָּוָסָט אָז אָלָץ אַיְזָע פָּאָרְלָוִירָן. מִיר קָאנָעָן פָּאָרְשָׁטָעָלָן אָלָע
גַּלְיְדָעָר אַחֲזָע דֵי פְּיָס. דֵי פְּיָס אַוְנְדוּזָעָר וּזְעָנָעָן גַּעַנְדָּוָעָן, פָּאָן דָעַם קָלְעָנָסָטָן
לְאַפְּטוּטָל בְּזָוְיָה קְטָבָמְרָוִירָי. דָאָס שְׁדָל אַיְזָע אַוְיְנָקָל האָט גַּעַטָּאָן אַ לָאָד. צָוָט
עַרְשָׁטָן מָאָל אַיְזָע טְוִוָּנָט יָאָר בֵּין אַיך, דָעַר בּוּלְלָשָׁוֹן, גַּעַבְלִיבָן אַזְנָזָן.
— דֵי פְּיָס וּוּגָס אַיך נִישְׁטָה! — הָאָב אַיך אַ רְוַח גַּעַטָּאָן אַיְזָע גַּרְימָצָאָרָן.
— אוֹיב אָזֶוּ בִּיסְטָמוֹ אַ רְוחָ!
אוֹן עַר טָוָט אַ גַּעַשְׁרִיָּה, פִּיק, גַּיְיָ אַרוֹוִיס פָּאָן דָעָנָעָן! עַר אַיְזָע צָוְגָעָלָאָטָן
צָו דָעַר סְפָרִים-שָׁאָנָק, אַ בָּאָפְּגָעָן גַּעַטָּאָן דָעַם סְפָר יִצְרָאָה אַזְנָעָמָעָן פָּאָכָעָן
אַבְּעָר מִיר וּוּי אַ גָּוֹלָן. קָעָגָן סְפָר יִצְרָאָה קָאָן קִינְגָּרָעָן פָּאָן אַוְנָדוּזָעָן נִישְׁטָה
בָּאַשְׁטִיעָן. כִּיבָּן קִוִים אַרוֹוִיס פָּאָן בִּית-דִינְ-שְׁטוּבָה בְּפָחִי נֶשֶׁת.
וּוּגָס זָאָל אַיך דָאַ לְאָגָג בְּרִיעָן? כִּיבָּן גַּעַבְלִיבָן שְׁטָעָקָן אַיְזָע טִישְׁוּוּץְעָר.
אוֹסָס לוּבְלִיאָן! אוֹסָס אַדְעָס! אַיְזָע רְגָע אַיְזָע גַּעַוָּאָרָן אַבָּאָג אַש פָּאָן אָלָע
מִינְגָע הִינְטָרְלִילִיסְטִיקִיָּתָן. אַ בָּאָפְּגָעָל אַיְזָע גַּעַקְוּמָעָן פָּאָן אַשְׁמָדָאָי אַלְיָיָן;
בְּלִיבָאָן אַיְזָע גַּהְאָקְטָעָן צְרוֹת אַיְזָע טִישְׁוּוּץְעָר. רִיר דֵי נִישְׁטָה אַרוֹוִיס וּוּיְנִיטָעָר
וּוּי אַחֲוּמִים-שְׁבָתָה...

וּוּי לְאָגָג כִּיבָּן שְׂוִין דָאָ? אַיְיבָק מִיטָּאָט אַ מִיטְוָאָךְ. כְּהָאָב אָלָץ בַּיִּזְבָּה
גַּעַוָּנִינְט: חַרְבָּן טִישְׁוּוּץְעָר, חַרְבָּן פּוֹלִילָן. נִישְׁטָאָט מַעַר קִיְּזָן יִידָּן. נִישְׁטָאָט
מַעַר קִיְּן שְׁדִים. מַגִּיסְטָט מַעַר נִישְׁטָאָט אוֹסָס דֵי טָוָן וּוּאָסָעָר אַיְזָע דָעַר נִאָכָט
פָּאָן דָעַר תְּקוֹהָה. מַהְיָהָת זִיךְרָעָמָד מַעַר נִישְׁטָאָט פָּאָר קִיְּן וּגְוֹתָה. מַקְלָאָפְּטָט מַעַר
נִישְׁטָאָט אַנְגָר פָּאָר טָאָג אַיְזָע דָעַר טִיר פָּאָן פָּאָלִישָׁ. מַיְוָאָרְנָטָט מַעַר נִישְׁטָאָט
אַיְדָעָר מַגִּיסְטָט אוֹסָס אַ פְּאָמָעָשָׂאָת. דָעַר רְבָאָזָע אַיְזָע אַוְמְגָעְקָוּמָעָן עַל-קִידּוּשָׁ
הַשָּׁם אַ פָּרִיטָאָג חַוְדָשָׁ נִיסְן. דָעַר קִיהְלָה האָט מַעַן אַוְיְגָעְקָוּלִיטָן. דֵי סְפָרִים
פָּאָרְבָּרָעָנט, סְבִּית-עֲלֹום גַּעַשְׁעָנָדָט. דָעַר סְפָר יִצְרָאָה אַיְזָע צְוִיקָה בַּיִּזְבָּה
מְנַהְיָג הַבִּירָה. אַיְזָע בָּאָד פְּלִוְסְקָעָן זִיךְרָעָמָד. פָּאָן רְבָאָזָע אַבְּרָהָמִ-זְוָלָמָנָס אַוְהָל
הַאָט מַעַן גַּעַמְאָכָט אַ חַוְרִי-שְׁטָאָל. סְאָיוֹן אוֹסָס יִצְרָה-הָרָע, אוֹסָס יִצְרָתָוֹ;
אוֹסָס עֲוֹנוֹת, אוֹסָס נִסְיוֹנוֹת. דָאָס דָוָר אַיְזָע שְׂוִין זִיבָן מַאֲלָל כּוֹלוֹ חִיָּה. נַאֲרָ
מַשְׁיחָ קְומָת נִישְׁטָה. צָו וּוּמְעָמָעָן זָאָל עַר קְומָעָן? אַז מַשְׁיחָ אַיְזָע נִישְׁטָה גַּעַקְוּמָעָן
צָו יִידָּן. זְעָנָעָן יִידָּן אַוְוָעָק צָו מַשְׁיחָן. וּוּי, מַדְאָרָפָט מַעַר נִישְׁטָה קִיְּן שְׁדָיָן!
מַהְאָט אַוְנָדוּזָעָן אַוְיָיךְ פָּאָרְטִּילִיקָט. אַיְזָע גַּעַבְלִיבָן אַיְינָעָה, אַ פְּלִיטָה. כְּמַעַג
שְׂוִין גַּיְינָה וּוּ כְּיֻוְילָה, נַאֲר צָו וּוּמְעָמָעָן זָאָל גַּיְינָה אַ שְׁדָיָן סְגָלָה? צָו דֵי
רוֹזְחִים?

— אַ кто мне их пожертвует?
— Когда приказываю я, евреи дают.
— А на что я буду жить?
— Раввин-посланник имеет право на часть своих сборов.
— А моя семья?
— Хватит на всех.
— С чего же мне начать?
— Закрой Гемару.
— Ах, но душа моя не может без Торы, — стонет Тишевицкий раввин.

И тем не менее, берется за обложку книги — уже почти готов ее закрыть. Если сделает он это — ему конец. Ведь и Иосеф делла Рина¹⁰ в свое время всего лишь поднес Самазлю щепоть нюхательного табаку. Я уже посмеиваюсь про себя: рабби из Тишевица, ты у меня в кармане. Банный черт, притаившийся в углу, волнуется и зеленеет от зависти. Я хоть обещал ему протекцию в случае успеха, но среди нашей братии зависть сильней любого чувства. Внезапно раввин говорит:

— Прости, Господин мой, но мне нужно еще одно знамение.

— Чего ты хочешь? Чтобы я остановил солнце?

— Нет, просто покажи мне свои ноги.

Как только он произносит эти слова, я понимаю, что затея лопнула. Мы можем придать пристойный вид любой части нашего тела — всему, кроме ног. Начиная от мельчайшего чертенка и кончая Кетевом Мериди¹¹, у всех нас гусиные лапы. Банный черт в углу заливается смехом. Впервые за тысячу лет у меня, мастера заговаривать зубы, отнимается язык.

— Я никому не показываю свои ноги, — яростно воплю я.

— Значит, ты дьявол. Убирайся отсюда, — кричит раввин. Он подбегает к книжной полке, выхватывает Книгу Бытия и угрожающе размахивает ей передо мной. Какой черт может устоять против Книги Бытия? Я удираю из раввинского покоя, все мои надежды вдребезги разбиты.

Дальше и рассказывать нечего. Я навек застрял в Тишевице. Прощай, Люблин, прощай, Одесса. Мои страдания пошли прахом. От Асмодея пришло распоряжение: "Сиди в Тишевице и жарься на медленном огне. Не смей отходить от местечка далее, нежели дозволено еврею в субботу"¹².

Сколько времени я здесь уже пробыл? Целую вечность и еще одну среду. Всему я был свидетель: гибели Тишевица и гибели Польши. Евреев больше нет, нет и чертей. Нет женщин, поливавших улицы водой в ночь зимнего солнцестояния. Никто не помнит, что нельзя давать другому четное число любых предметов. Никто не стучится на рассвете в дверь синагоги. Никто не окликает прохожего перед тем, как выплеснуть помои. Раввина убили в пятницу в месяце нисан. Общину вырезали, святые книги пожгли, кладбище осквернили. Книга Бытия возвращена его Создателю. Гои парятся в еврейской бане. Молельню Аврахама Залмана превратили в свиной хлев. Ангела Добра больше нет, нет и Ангела Зла. Нет более ни грехов, ни искушений! Род людской виновен и семижды виновен, а Мессия так и не приходит. К кому он теперь придет? Мессия не являлся, не являлся, и евреи сами отправились к нему. Нужды в чертях больше нет. Нас тоже ликвидировали. Я — последний уцелевший беженец. Я могу теперь идти, куда вздумается, но куда мне, черту этакому, податься? К убийцам?

אוַיְיכָן בּוֹיְדָעֵם וּוָאֶסְתָּר אֲמַל גַּהֲעַרְטָ צַו וּוּלְוָל בְּאַנְזָעָר, צַוִּישָׁן
 צְוּוִי צְעַלְכַּצְטָעַ פְּעַסְעָר, הָאַט וִיר קָאַרְוָאַלְגָּעָרָט אֲטִירַפְּטָול אַוִּיחַ יִידִישַׁ
 טִיבִּישׁ. דָּאָרָט זִיךְ אַיךְ, דָּעַר לְעַצְטָעַר שַׁד. כִּיעַס שְׁטוּבַּ, כִּשְׁלָאַף אַוִּיךְ אַיךְ
 פְּלַעְדָּעָרוֹחַיְשׁ. כִּילְיַעַן דַּעַם קוֹיְדָעַרְוּעַלְשׁ קָוָן בּוֹךְ. סְשִׁרְיַעְבָּעַץ אַיְזָן
 אָנוֹנְזָעָר נָסָחָ, קָוְגָל מִיטַּ חַוִּירַשְׁמָאַלְץ. שְׁמַד גַּעֲוִיקָלָט אַיְזָן יְרָאָתָה. דָּעַר
 מַוְסְרַ-הַשְּׁפָלָל אַיְזָן, לְהַדְּמָה. אֲבָעָר דִּי אַוְתִּיחָות זַעַנְעָן פְּאָרָט יִידִישַׁ. דַּעַם
 אַלְפִּ-בִּיתַּ הַאֲבָן זַיְנַשְׁטַּגְעַנְצְּלָעַן. דָּעַרְקָוּן זַוִּיגַ אַיךְ. דָּעַרְין טַו
 אַיךְ מִיךְ קְלָאָמָעָרָן. כִּצְיַילְדִּי וּוּרְטָעַר, פְּלָעַכְטַּגְרָאַמְעָן, טִיבִּישׁ אַרְטִין אַיְזָן
 יְעַדְן פִּינְטָעַלְעַ פִּתְחָוָתָוּ וּרְעַמְסָסָה. אַלְפָן אַן אַדְלָעָר, אַן אַדְלָעָר פְּלִיטַּה; בִּתְהַ
 אַ בּוּם, אַ בּוּם בְּלִיטַּה; גִּימְלָאַ גַּלְתָּה, אַ גַּלְתָּה קְנִיטַּה; דָּלְדָּל אַ דָּאָרָן, דָּעַר דָּאָרָן
 בְּרַעְנָטַּה, דָּאַ אַ העַנְקָעָר, אַ העַנְקָעָר הַעַנְגָּט, וּצְאוּ אַ וּוּכְטָעַר, דָּעַר וּוּכְטָעַר
 שְׁעַנְקָטַּה; זַיְנַ אַ זַּעַלְנָעָר, אַ זַּעַלְנָעָר שִׁיטַּטַּה; חַיַּת אַ חַוִּירַ, אַ חַוִּירַ נִיסְטַּה; טַהַ
 אַ טְוִיטָעַר, אַ טְוִיטָעַר מַתְּטַטַּה; יְודַ אַ יִידַּה, אַ יִידַּה פְּאָרְגָּעָסְטַּה...
 יְאַ, וּוּ לְאַנְגַּסְאַיְזָן דָּאַ אַ יִדִּישַׁ וּוּאָרָטַּה, הַאֲבָבַּ אַיךְ אַן אַנְהַאֲלָטָעָנִישׁ. וּוּ
 לְאַגְּגָגַּ דִּי מִילְבָּן הַאֲבָן נִישְׁטַּ אַוְיְגָגְעָסַּן סְלָעַצְטָעַ בְּלָעַטְלַ, אַיְזָן נַאֲךְ דָּאַ מִיטַּ
 וּוָאֶסְתָּר אַיךְ צַוְּ שְׁפִילַן. וּוָאֶסְתָּר סְיוּוּטַּ זַיְנַ שְׁפָעַטְעַר, וּוָיְלַ אַיךְ פְּאָרָן מַוְילַ נִישְׁטַּ
 בְּרַעְנָגָעַן.

אַן אַ יִדִּישַׁ אֹות —
 אַיְזָן אַ שַׁד אַ יִיד — אַוִּיס...

1959

В доме, принадлежавшем некогда Вельву-бочару, я нашел между двух рассохшихся бочек небольшую книжку историй на идише. Тут я и сижу, последний черт. Глотаю пыль. Сплю на щетке из гусиных перьев. И читаю эту дурацкую книжку. Она написана в духе, подходящем нашему брату: субботний пирог на свином сале, богохульство в благочестивой упаковке. Мораль книжонки: нет ни судьи, ни осуждения. Но буквы в ней все-таки еврейские. Извести алфавит они все же не сумели. Я обсасываю каждую буковку и тем живу. Перебираю слова, складываю строки и без устали толкую и перетолковываю их значение и смыслы.

Алеф — агония добродетели и порока.

Бет — беда, неизбежность рока.

Гимел — Господи, а Ты не заметил?

Далет — дымная тень смерти.

Хей — хам поднялся во весь свой палаческий рост.

Вав — вместе с глупостью — мудрость корове под хвост.

Зайн — знаки зодиака, дабы их читал обреченный:

Хет — хотел родиться, но умрет нерожденный.

Тет — титаны мысли навек уснули.

Йод — ей-богу, нас обманули.

Да, пока остается хотя одна книжка, мне есть чем поддержать свой дух. Пока моль не съела последнюю страницу, мне есть чем развлечься. А о том, что случится, когда исчезнет последняя буква, мне и говорить не хочется.

Коли последняя буква пропала,

Значит, последнего черта не стало.